

Моей дочери, Эвери, и моему папе

Когда душа полна мрака, в ней зреет
грех. Виновен не тот, кто грешит, а тот,
кто порождает мрак.

— *Виктор Гюго, «Отверженные»*

Содержание

От автора 11

Пролог 13

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ • ВСЕ ДЕЛО В ЖЕСТОКОСТИ

ГЛАВА 1 Дом 39

ГЛАВА 2 Первый сын 63

ГЛАВА 3 Великое Явление 73

ГЛАВА 4 В надежде летать 90

ЧАСТЬ ВТОРАЯ • ПАРШИВАЯ ОВЦА

ГЛАВА 5 На земле 103

ГЛАВА 6 Игра на выбывание 115

ГЛАВА 7 Параллельные прямые 125

ГЛАВА 8 Вторая космическая скорость 149

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ • ПЫЛЬ В ГЛАЗА

ГЛАВА 9	Искусство спасения от банкротства	181
ГЛАВА 10	Ночи предшествуют сумерки	209
ГЛАВА 11	Единственное, что имеет значение	225
ГЛАВА 12	Полный провал	235

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ • САМАЯ НЕУДАЧНАЯ ИНВЕСТИЦИЯ ИЗ ВСЕХ

ГЛАВА 13	В политике так же, как в частной жизни	243
ГЛАВА 14	Слуга народа от девелоперского бизнеса	261
ЭПИЛОГ	В круге десятом	275
	<i>Выражение признательности</i>	281
	<i>Об авторе</i>	283

От автора

Большая часть этой книги основана на моих собственных воспоминаниях. Описывая события, при которых я не присутствовала, я опиралась на разговоры и интервью (многие из них происходили под запись) с членами моей семьи, друзьями семьи, соседями и коллегами. Диалоги воссозданы в соответствии с моими воспоминаниями и рассказами других людей. Что касается диалогов, то моим намерением было передать суть разговора, а не предоставить стенографический отчет. Я также опиралась на официальные документы, банковские выписки, налоговые декларации, личные дневники, семейные архивы, письма, электронную переписку, текстовые сообщения, фотографии и прочие документальные свидетельства.

Общие сведения я почерпнула из *New York Times* (в частности, из статьи-расследования Дэвида Барстоу, Сюзанны Крэйг и Расса Бютнера от 2 октября 2018 года); *Washington Post*; *Vanity Fair*; *Politico*; с сайта *TWA Museum* и из книги «Сила позитивного мышления» Нормана Винсента Пила. За предоставленную информацию по *Steeplechase Park* я признательна сайту *Coney Island History Project*, еженедельнику *Brooklyn Paper* и статье Даны Шульц от 14 мая 2018 года на сайте *6sqft.com*. Отдельное спасибо Дэну П. Макадамсу за

его анализ «эпизодического человека». За данные о бизнесе Трампов и их подозрительных махинациях я благодарна: журналистской работе Уэйна Барретта (ныне покойного), Дэвида Корна, Майкла Д'Антонио, Дэвида Кэя Джонстона, Тима О'Брайена, Чарльза П. Пирса и Адама Серуэра. Спасибо также Гвенде Блэр, Майклу Крэнишу и Марку Фишеру — правда, когда мой папа умер, ему было сорок два, а не сорок три года.

Пролог

Мне всегда нравилась моя фамилия. В 1970-х, когда я ребенком проводила лето в морском лагере, все звали меня по фамилии — Трамп. Она была источником гордости, не потому что ассоциировалась с властью и недвижимостью (в те годы за пределами Бруклина и Куинса о моей семье никто не знал), но мне, крутой и смелой шестилетке, импонировало то, как она звучала¹. В 1980-х, когда я была студенткой, а мой дядя Дональд начал называть в свою честь все построенные им здания на Манхэттене, чувства, связанные с моей фамилией, стали более сложными.

Тридцать лет спустя, 4 апреля 2017 года, я ехала в тихом вагоне поезда *Amtrak*, следующего в Вашингтон, чтобы присутствовать на семейном ужине в Белом доме. Десятью днями ранее я получила электронное письмо с приглашением на праздник в честь 80-летия моей тети Мэриэнн и 75-летия другой моей тети, Элизабет. Их младший брат Дональд с января занимал Овальный кабинет.

Проходя под сводчатыми потолками вашингтонского вокзала Юнион-Стейшн, я поравнялась с торговцем, установившим на черно-белом мраморном полу свой стенд со значками: моя фамилия в перечеркнутом красном круге —

¹ *Trump* (англ.) — «козырь». — Прим. пер.

«Депортировать Трампа», «Трампа на свалку» и «Трампа — чертово отродье». Я надела темные очки и ускорила шаг.

Я взяла такси до гостиницы *Trump International*, которая на одну ночь предоставила членам моей семьи бесплатные номера. Зарегистрировавшись, я прошла через атриум и посмотрела на стеклянный потолок и голубое небо над ним. Сверху лился мягкий свет трехъярусных хрустальных люстр, свисающих с центрального луча сложной арочной конструкции. С одной стороны небольшими группами были расставлены кресла, канапе и диваны — цвета слоновой кости, темно-синего и бледно-голубого; а с другой — столы и стулья большого бара, где позднее у меня была запланирована встреча с братом. Я ожидала, что гостиница будет пошлой и помпезной. Но это оказалось не так.

Моя комната тоже была не лишена вкуса. Но моей фамилией было облеплено все вокруг: шампунь Трампа, кондиционер Трампа, шлепанцы Трампа, шапочка для душа Трампа, крем для обуви Трампа, набор для шитья Трампа и банный халат Трампа. Я открыла холодильник, схватила маленькую бутылочку белого вина Трампа и опрокинула ее в свое горло (трамповское) с тем, чтобы оно могло начать свое путешествие по моей (трамповской) кровеносной системе и угодить в центр удовольствия моего мозга (понятно, тоже трамповского).

Через час я встретила своего брата, Фредерика Крайста Трампа III, которого я с самого детства называла Фрицем, и его жену, Лиз. Вскоре к нам присоединились и остальные участники нашей вечеринки: тетя Мэриэнн, самая старшая из пяти детей Фреда и Мэри Трамп, уважаемая судья федерального апелляционного суда; дядя Роберт, их самый младший брат (в течение непродолжительного времени он был

одним из наемных работников Дональда в Атлантик-Сити, откуда со скандалом ушел в начале 1990-х), и его девушка; тетья Элизабет, средний ребенок Трампов, со своим мужем Джимом; мой кузен Дэвид Дэзмонд (единственный ребенок Мэриэнн и старший внук Трампов) со своей женой; и несколько близких друзей моих тетюшек. Единственный потомок Трампов, отсутствующий на этом празднике, — это мой отец, Фредерик Крайст Трамп-младший, старший сын, которого все звали Фредди. Больше тридцати пяти лет назад он умер.

Собравшись наконец вместе, мы дали знать об этом находившимся снаружи агентам Секретной службы, ответственным за охрану Белого дома, а затем кое-как загрузились в два микроавтобуса Белого дома, словно юношеская команда по лакроссу. У некоторых пожилых гостей возникли сложности с преодолением ступенек. Всем было не слишком удобно тесниться на многоместных нераздельных сиденьях. Интересно, почему Белый дом не подумал о том, чтобы прислать хотя бы один лимузин для моих пожилых тетюшек?

Когда десять минут спустя мы подъехали к Южной лужайке Белого дома, два агента вышли из будки охраны, чтобы осмотреть днище микроавтобуса прежде, чем мы въехали в ворота. Проехав еще немного, мы остановились у небольшого здания службы безопасности, примыкающего к восточному крылу, и выгрузились. Мы входили внутрь по одному, когда выкрикали наши имена, передавали для досмотра телефоны и сумки и проходили через металлодетектор.

Оказавшись в Белом доме, мы парами и тройками шли по длинным коридорам, мимо окон, выходящих в сады и на лужайки, мимо портретов бывших первых леди, выполненных

в полный рост. Я остановилась перед портретом Хиллари Клинтон и с минуту простояла в молчании. И снова задалась вопросом, как это могло случиться?

У меня никогда не было ни малейших оснований представлять себя гостьей Белого дома, и уж точно не при подобных обстоятельствах. Все это просто в голове не укладывалось. Я огляделась. Белый дом был изысканным, роскошным и величественным, и сейчас я (впервые за последние восемь лет) встречаюсь со своим дядей, человеком, который здесь живет.

Из полумрака коридора мы вышли в крытую галерею, окружающую Розовый сад, и остановились перед Овальным кабинетом. Через французские окна мне было видно, что там все еще продолжается совещание. Вице-президент Майк Пенс стоял поодаль, но спикер Палаты представителей Конгресса США Пол Райан, сенатор Чак Шумер и с десятков других конгрессменов и сотрудников аппарата собрались вокруг Дональда, который сидел за столом «Резолют».

Эта живописная сцена напомнила мне одну из тактик моего дедушки: он всегда вынуждал своих просителей приходиться к нему либо в его бруклинский офис, либо в его дом в Куинсе, и оставался сидеть в то время, как они стояли. Поздней осенью 1985 года, через год после того, как я ушла в академический отпуск из Университета Тафтса, я встала перед ним и спросила его разрешения вернуться в колледж. Он посмотрел на меня и сказал: «Это чушь. Зачем тебе это? Просто отправляйся в училище, получишь профессию, станешь секретаршей работать».

«Но я хочу получить высшее образование». Должно быть, в моем голосе прозвучало раздражение, потому что глаза моего деда сузились, и он с минуту оценивающе на меня смо-

трел. Уголок его рта приподнялся в презрительной ухмылке, и он рассмеялся. «Просто прекрасно», — сказал он.

Через несколько минут встреча завершилась.

Овальный кабинет был одновременно и меньше размером, и менее уютным, чем я себе представляла. Мой кузен Эрик и его жена Лара, которую я никогда прежде не встречала, стояли прямо у двери, так что я сказала: «Привет, Эрик. Это я, твоя кузина Мэри».

«Конечно, я знаю, кто вы», — ответил он.

«Ну, давно не виделись, — сказала я. — Думаю, последний раз это было, когда ты еще учился в старших классах».

Он пожал плечами и произнес: «Возможно и так». Он отошел с Ларой, даже не представив нас друг другу. Я оглянулась. Прибыли Мелания, Иванка, Джаред и Донни и встали рядом с Дональдом, который остался сидеть. Майк Пенс с застывшей улыбкой на лице по-прежнему оставался на другом конце комнаты, как дуэнья, которую все стараются избегать.

Я пристально на него посмотрела, пытаюсь поймать его взгляд, но он в мою сторону так и не взглянул.

«Извините, пожалуйста, — бодрым голосом возвестила фотограф Белого дома, миниатюрная молодая женщина в темном брючном костюме. — Давайте соберемся все вместе, чтобы я могла сделать несколько фотографий, прежде чем мы пойдем наверх». Она проинструктировала нас обступить Дональда, который все еще не поднялся из-за стола.

Фотограф навела камеру. «Раз, два, три, улыбнулись», — сказала она.

После того как с фотографированием было покончено, Дональд встал и указал на черно-белую фотографию моего деда, стоявшую рядом на столике. «Мэриэнн, разве не отлич-

ный портрет папы?» Это была та же самая фотография, которая стояла на приставном столике в библиотеке дома бабушки и дедушки. Дедушка на ней был все еще молодым, усатым, с реденеющими темными волосами и властным видом, который на моем веку ни разу ему не изменял до тех пор, пока его не сразила деменция. Мы все видели фото тысячу раз.

«Может, тебе стоит поставить здесь и мамин портрет тоже?» — предложила Мэриэнн.

«Отличная идея, — сказал Дональд, как будто ему никогда это и в голову не приходило. — Кто-нибудь достаньте мне фотографию мамы».

Мы провели в Овальном кабинете еще несколько минут, по очереди садясь за стол «Резолют». Мой брат сфотографировал меня, и когда я смотрела на этот снимок позднее, то заметила, что сзади, как призрак, парит мой дед.

На выходе из Овального кабинета к нам присоединился историк Белого дома, и мы перешли к экскурсии по расположенной на втором этаже Резиденции президента, за которой должен был последовать обед. Наверху мы посетили спальню Линкольна. Я ненадолго заглянула внутрь и была удивлена, увидев на прикроватном столике надкусанное яблоко. Пока историк рассказывал нам о том, что происходило в комнате за прошедшие годы, Дональд время от времени неопределенно на что-то указывал, а потом объявил: «Это место еще никогда не выглядело так хорошо с тех пор, как здесь жил Джордж Вашингтон». Историк был слишком вежлив, чтобы обратить его внимание на то, что здание было построено уже после смерти Вашингтона. Группа переместилась дальше по коридору — к Залу договора и Президентской столовой.

Дональд стоял в дверном проеме, приветствуя входящих. Я появилась одной из последних. И еще не успела сказать

«привет», когда он меня увидел и с удивленным выражением лица указал на меня со словами: «Я ведь специально попросил, чтобы ты непременно была». Он так всегда говорит, чтобы очаровывать людей, и у него есть врожденная способность подгонять свои высказывания под обстоятельства, что тем более впечатлило, потому что я знала, что это неправда. Он протянул мне навстречу руки и обнял меня — впервые на моей памяти.

Первое, что я заметила в Президентской столовой, была ее красота: темное дерево, отполированное до совершенства, изумительные столовые приборы и карточки с именами гостей, заполненные каллиграфическим почерком, и меню (салат айсберг, картофельное пюре — основные блюда семьи Трампов — и филе из мраморной говядины вагю). Второе, на что я обратила внимание, когда села за стол, — это распределение мест. В моей семье всегда можно было определить, чего ты стоишь, по месту, где ты сидишь, но я не имела ничего против: все люди, с которыми я чувствовала себя комфортно — мой брат с женой, падчерица Мэриэнн со своим мужем, — сидели рядом со мной.

Каждый официант нес бутылку красного вина и бутылку белого. Настоящего, а не имени Трампа. Это было неожиданно. За всю мою жизнь на семейных торжествах никакого алкоголя никогда не было. В доме бабушки и дедушки подавали только кока-колу и яблочный сок.

В середине обеда в столовую вошел Джаред. «Ой, посмотрите-ка, — хлопая в ладоши, воскликнула Иванка, — Джаред вернулся из поездки по Ближнему Востоку». Как будто мы только что не видели его в Овальном кабинете. Он подошел к своей жене, поцеловал ее в щеку, затем наклонился к Дональду, который сидел рядом с Иванкой. Они тихо несколько минут разговаривали. А затем Джаред ушел.